

A young girl with long, wavy blonde hair and blue eyes is looking directly at the camera with a neutral expression. She is wearing a dark grey, textured knit sweater. In the foreground, several beer cans are visible, including a prominent golden one on the left and several red ones on the right. The background is a blurred store interior with shelves of products and warm lighting.

Кукуша

1 500 000

Кукуша

1 500 000

«Автор»

2026

Кукуша

1 500 000 / Кукуша — «Автор», 2026

Двенадцатилетняя Таня Микрובה теряет мать. Причина — просроченные консервы из магазина у дома. Полиция смеётся. Отец запрещает расследование. Клятва на могиле становится единственным законом, который девочка отныне признаёт. Она не хочет справедливости. Она хочет уничтожить систему, в которой смерть от небезопасной пищи — статистическая погрешность. Она поступает на биофак. Изучает микробиологию, токсикологию, логистику, законодательство. Собирает базу данных о производителях, которые убивают безнаказанно. Выводит формулу экономической целесообразности убийства. И готовится к войне. Но цена правды оказывается выше, чем Таня предполагала. Цена одержимости — ещё выше. «1 500 000» — это не просто цифра. Это люди, которых каждый год убивает еда. Это роман-трагедия о том, как одна девочка объявила войну всему человечеству — и победила не так, как планировала.

© Кукуша, 2026

© Автор, 2026

Кукуша

1 500 000

Глава первая. Нулевой цикл

Московская зима наваливалась на город, как спящая тектоническая плита — медленно, неотвратно, с весом, который чувствуешь не спиной, а каждой клеткой. Воздух становился плотным, как глицерин. Время замедлялось. Снег падал не вертикально, а под углом, который менялся каждые двадцать минут — атмосферные фронты сталкивались над областью, рождая хаотические завихрения, идеально описываемые уравнениями Навье-Стокса.

Таня Микрובה, ученица восьмого класса школы № 1040, стояла на кухне хрущёвской пятиэтажки и смотрела на банку тушёной говядины. Банка была вздута. Крышка выгибалась наружу равномерной, почти красивой дугой — как горизонт чужой планеты, если смотреть на неё из посадочного модуля. В неверном свете лампы над плитой металл отливал тусклой радугой — тончайшая оксидная плёнка, результат электрохимической коррозии. Срок годности истёк два года назад, но это было не главным. Главным было то, что внутри, в анаэробной тьме, в отсутствие кислорода, в среде, где pH сдвинулся в слабокислую сторону, а концентрация соли достигла идеального для определённых организмов значения, происходило нечто, что Таня уже мысленно раскладывала на биохимические реакции.

— Это бомбаж, — тихо сказала Таня. — Микробиологический взрыв внутри герметичного объёма. *Clostridium botulinum* продуцирует газ. Двуокись углерода, водород, азот. Давление растёт, и металл пластически деформируется. Необратимо.

Отец, следователь районного ОВД, на секунду оторвался от телевизора, где показывали новости о столкновении грузовиков на МКАД. На экране мелькнули искорежённые кабины, красный свет аварийных машин, лица водителей — живые, дышащие, страдающие от ушибов и переломов, но живые.

— Выброси. И руки помой с мылом. Горячей водой. И обработай йодом.

В его голосе не было злости. Усталость. Та самая усталость человека, который пятнадцать лет каждый день видел чужую боль и научился отключать от неё нервную систему, как выключатель автомата. Он видел трупы с ножевыми, трупы с пулевыми, трупы, которые вытаскивали из петли, трупы, найденные через месяц после смерти, когда мягкие ткани уже перешли в состояние жировоска. Но ботулизм был другим. Ботулизм не оставлял следов на теле. Он убивал тихо, как программируемая клеточная смерть — апоптоз, только в масштабе всего организма.

Таня не выбросила. Она достала телефон и сфотографировала вздувшуюся банку под разными углами. Крупно — выпуклость металла, снятая против света, чтобы зафиксировать характер бликов на растянутом металле. Затем — серийный номер на дне, выбитый неровными цифрами, с люфтом между символами — признак дешёвого оборудования. Потом — этикетку с датой производства и сроком годности, который истёк два года назад, и составом, в котором подозрительно отсутствовал консервант — ни сорбата калия, ни бензоата натрия.

Она вела дневник. Не бумажный — в голове. Структурированную базу данных, которую никто не мог найти, прочитать, конфисковать. Каждое наблюдение ложилось в ячейку. Каждый факт обретал связи. Восемь лет жизни — и уже полторы тысячи записей, от наблюдений за поведением одноклассников до классификации плесневых грибов по ростовым колониям.

С детства Таня запоминала всё, что казалось ей системой. Иерархию. Причинно-следственные связи. В детском саду она плакала не потому, что разбила коленку, а потому, что не могла понять, почему асфальт твёрже кожи — ведь и то, и другое состояло из молекул, связанных межмолекулярными взаимодействиями. В первом классе учительница называла её «странной девочкой с глазами рентгена» — Таня могла часами разглядывать муравьиную ферму,

фиксируя маршруты фуражиров и вычисляя оптимальные траектории сбора корма методом Монте-Карло. В третьем — «очень способной, но эмоционально холодной». Эмоции были для неё чем-то вроде побочного продукта метаболизма — они возникали, но их можно было измерить, классифицировать и, при необходимости, подавить.

Мама называла её «мой маленький детектив».

Мама умерла в прошлый вторник. Восемь дней, четырнадцать часов и, если быть точной до секунды, сорок три минуты назад. Таня засекала время, когда врач вышел из реанимационной палаты с лицом, на котором не было ничего, кроме профессиональной констатации факта. Час смерти: 22:17. Дата: 14 ноября. Температура воздуха за окном больницы: минус двенадцать. Влажность: восемьдесят три процента. Атмосферное давление: 747 миллиметров ртутного столба.

Таня не была на похоронах. Не потому, что не пустили. Потому что сидела в инфекционном отделении Морозовской больницы — сама, хотя её вырвало всего дважды, и температура поднялась лишь до 37,8, что в пределах нормы для иммунного ответа средней тяжести. Маму вырвало семь раз. Потом начались судороги — генерализованные тонико-клонические припадки, которые регистрировались на ЭЭГ как диффузная эпилептиформная активность. Потом — диплопия, двоение в глазах, потому что токсин парализовал глазодвигательные мышцы. Потом — дисфагия, невозможность глотать, даже слюна начала скапливаться в глотке, вызывая поперхивание. Потом — полиорганная недостаточность. Печень, почки, сердце — один за другим органы прекращали работу, как перегорающие предохранители в старой электропроводке.

Врач, молодой парень в очках, ещё пытавшийся шутить, сказал отцу в коридоре. Стены были тонкими — советская панельная больница, акустика как в скворечнике. Таня слышала каждое слово, лежа на койке с капельницей, в которой капал не антитоксин — его уже не было в аптеке, заканчивался, — а просто раствор Рингера для поддержания водно-электролитного баланса.

— Клиника типичная. Ботулизм. Палочка *Clostridium botulinum*, серотип E, судя по скорости развития симптомов. Инкубационный период около двадцати часов — значит, доза была высокой. Токсин связывается с пресинаптической мембраной мотонейронов, блокирует выделение ацетилхолина, нервно-мышечная передача прерывается. Мышцы перестают сокращаться — включая диафрагму и межрёберные. Смерть от асфиксии. Жаль, поздно привезли. Если бы в первые двенадцать часов — антитоксин, плазмаферез, ИВЛ. А так... шансов не было.

Таня лежала с закрытыми глазами и визуализировала процесс. Молекула ботулотоксина — тяжёлая цепь, лёгкая цепь, дисульфидный мостик. Тяжёлая цепь узнаёт полисахаридные рецепторы на мембране нейрона. Лёгкая цепь — цинковая протеаза — проникает внутрь и расщепляет SNAP-25, белок, необходимый для слияния синаптических пузырьков с мембраной. Без SNAP-25 пузырьки с ацетилхолином просто не могут выгрузить содержимое в синаптическую щель. Мышца получает приказ — но приказ не доходит. Как отключить интернет-кабель на уровне провайдера, когда пользователь всё ещё видит зелёную лампочку на роутере.

Она знала, что ботулотоксин — самое сильное ядовитое вещество из известных науке. ЛД50 для человека при внутривенном введении — 1 нанограмм на килограмм массы тела. То есть одна его молекула способна убить клетку. Один грамм в кристаллическом виде — миллион человек. Это не метафора. Это цифра. Таня любила цифры. Они не вралы. В отличие от людей.

Это потом она прочитает в учебниках про механизм действия нейротоксинов, про историю открытия — как в 1820-х годах в Германии доктор Юстиниус Кернер описал симптомы ботулизма после отравления кровяной колбасой, откуда и пошло название — латинское *botulus*, колбаса. Это потом она выучит наизусть все семь серотипов — A, B, C, D, E, F, G — и узнает, что серотип A самый стойкий, а серотип E, которым отравилась мама, чаще всего встречается в

рыбе и морепродуктах, но иногда — в мясных консервах, если на производство попала загрязнённая вода. Это потом.

А тогда, в больнице, она просто запомнила взгляд отца, когда он вернулся в палату. Он был высоким мужчиной — метр восемьдесят пять, сто десять килограммов, рукопожатие, от которого трещали кости. Но в тот момент он казался маленьким. Съевшимся. Уязвимым. Человеком, который увидел, что мир — не система с предсказуемыми правилами, а хаос, притворяющийся системой, и этот хаос только что забрал у него женщину, с которой он прожил семнадцать лет.

— Таня... мамы больше нет.

— Я знаю, — ответила Таня. И действительно знала. Она услышала шаги врача — слишком быстрые, почти бегом. Услышала, как зазвучал кардиомонитор с изменённым ритмом — сначала тахикардия, потом брадикардия, потом долгий ровный сигнал *asystole*. Услышала, как медсестра сказала «время». — Вопрос в том, откуда взялся токсин.

Отец отвёл глаза. Он не хотел этого вопроса. Он хотел горевать. Он хотел, чтобы дочь плакала, обнимала его, искала утешения — нормальную, человеческую реакцию. Вместо этого двенадцатилетняя девочка задавала вопрос, который требовал ответа не от него — от мира.

Следствие вела полиция, потому что консервы, купленные мамой в магазине на углу улицы Гримау и Красного Казарца, формально были продуктом питания. А продукт питания — это зона ответственности Роспотребнадзора и ветеринарного надзора. А ботулизм — это болезнь, а значит, департамент здравоохранения. А продавец — это магазин, который подчиняется муниципальным властям. А поставщик — это частная фирма, зарегистрированная в Твери, с уставным капиталом в десять тысяч рублей и юридическим адресом, по которому находилась заброшенная трансформаторная будка. А производитель — это завод в Тверской области, который два года назад сменил владельца и название, а до этого был банкротом, а до этого — колбасным цехом при мясокомбинате, который работал ещё в советские годы.

Короче, ответственного не было.

В этом, как позже поняла Таня, и заключалась суть системы. Чем сложнее причинно-следственная цепь, тем легче разрывать её в узлах. Каждый узел — это юридическое лицо, договор подряда, акт приёмки-передачи, страховой полис. Чем больше узлов, тем тоньше становится нить ответственности, пока она не исчезает вовсе, растворяется в бюрократическом шуме, как амплитуда сигнала в тепловом шуме резистора.

Таня лежала в больнице ещё пять дней. Платно — отец продал машину, чтобы оплатить анализы и лечение. Врачи говорили, что ей повезло — съела меньше, чем мама, может быть, просто попробовала, когда мама открыла банку, а потом ушла делать уроки. Токсин всасывался через слизистую желудка, попал в кровь, дошел до нервных окончаний. Но доза оказалась нелетальной. Организм справился. Или не справился до конца — никто не знает, какие последствия останутся в нейронах навсегда.

На четвёртый день, когда капельницу убрали и разрешили ходить по коридору, Таня тихо пробралась в ординаторскую, где на столе лежала распечатка экспертизы остатков содержимого банки. Она запомнила цифры. Концентрация ботулотоксина: 0,34 мкг на грамм продукта. Летальная доза для взрослого человека массой 70 кг — около 0,07 мкг. То есть в каждой ложке тушёнки было пять смертельных доз. Мама съела полбанки. Это примерно двести пятьдесят граммов. Двести пятьдесят умножить на 0,34 — восемьдесят пять микрограммов токсина. В тысячу двести раз больше летальной дозы.

Таня закрыла глаза и представила: миллиарды молекул, каждая размером около 150 килодальтон, синхронно атакуют нервную систему. Иммунная система даже не успевает среагировать — антитела вырабатываются несколько дней, а токсин убивает за двенадцать часов. И никакой антитоксин уже не поможет, потому что он связывает только свободные молекулы,

а те, что уже проникли в нейроны — там и останутся, работая, как ферменты, многократно, потому что каждая молекула токсина расщепляет тысячи молекул SNAP-25.

Спустя три недели, когда Таню выписали, и она вернулась в квартиру на пятом этаже, где всё ещё пахло мамиными духами — «Kenzo Flower», который мама покупала только в дьюти-фри и берегла, потому что в Москве он стоил в полтора раза дороже, — она надела самое чистое школьное платье. Тёмно-синее, с белым воротничком, форменное. Оно висело на плечиках в шкафу, рядом с маминой зелёной кофтой, которую Таня так и не убрала. Она аккуратно причесалась, заплела две косы — мама всегда так заплетала, говорила, что так волосы меньше путаются, и пошла в отдел полиции. Одна. Без отца. Тот ничего не знал — он был на суточном дежурстве, в этот раз не в управлении, а на выезде, в области, где-то под Можайском, расследовал двойное убийство.

В отделении сидели двое. Сержант с заплывшим лицом — гипертония плюс алкогольная кардиомиопатия, определила Таня по капиллярной сетке на носу и синюшному оттенку ушей — и капитан, который жевал пирожок с повидлом и листал ведомость. На столешнице, рядом с компьютером с заляпанным монитором, стояла кружка с чаем, в которой плавала муха. Муха была жива, но слаба — температурный шок, наверное, кипятком.

— Здравствуйте, — сказала Таня. — Я по поводу смерти моей матери, Татьяны Микробовой. Дело о ботулизме.

Сержант хмыкнул. Звук был похож на хрипение выхлопной трубы.

— Малыш, у нас тут люди пропадают каждый день. Взрослые дяди. Вчера мужика нашли в подъезде — передоз, героин, синий, как аватар, и никто не пришёл. А ты с какими-то консервами.

— Я хочу заявить, что продавец магазина, ООО «Агроторг», и поставщик, ИП «Корсакова», несут уголовную ответственность по статье 238 Уголовного кодекса Российской Федерации. Производство, хранение, перевозка либо сбыт товаров и продукции, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей.

Капитан перестал жевать. Пирожок замер в полусантиметре от рта. Он перевёл взгляд с ведомости на девочку, потом на сержанта, потом снова на девочку.

— Откуда ты... Ладно. Мать что, учительница? Или адвокат? Бывает, дети юристов такие умные.

— Моя мать была экономистом, — терпеливо ответила Таня. — Я сама прочитала Уголовный кодекс. В электронной версии, на сайте «КонсультантПлюс». Часть вторая статьи 238: если деяние повлекло по неосторожности смерть человека — наказывается принудительными работами на срок до пяти лет либо лишением свободы на срок до шести лет. Часть третья — если повлекло по неосторожности смерть двух или более лиц — до десяти лет лишения свободы. Моя мать — один человек. Но в той же партии консервов могло быть двадцать банок. Если их купили двадцать человек, и хотя бы один умер — это уже два лица.

— Твоей матери никто не причинял смерть по неосторожности, — капитан вернулся к пирожку. Прожевал, проглотил, запил чаем из кружки, предварительно выловив муху пальцем. Муха упала в пепельницу, пошевелила лапками и замерла. — Она купила просроченные консервы. Сама. Никто ей в рот их не засовывал. Понимаешь разницу между убийством и самоубийством по неосторожности?

Таня знала разницу. Она знала многие вещи, которые двенадцатилетние девочки знать не должны. Например, она знала, что срок годности на банке был нанесён струйным принтером, который легко подделать, и что дата производства — октябрь 2021 года — была напечатана поверх другой даты, если смотреть под определённым углом и под ультрафиолетом. Она знала, что магазин обязан ежедневно проверять сроки годности всех продуктов на полках, но менеджер магазина получал тридцать пять тысяч рублей в месяц, а штраф за просрочку для юрлица — двести тысяч, что дешевле, чем нанять двух дополнительных проверяющих. Она

знала, что завод, где произвели консервы, в прошлом году прошёл проверку Роспотребнадзора и получил предписание устранить пять нарушений, из которых к моменту проверки устранили три, а два — нет, но документы подписали всё равно, потому что проверяющий получал сорок пять тысяч и у него была ипотека.

— В магазине не было предупреждения, что консервы опасны, — голос Тани не повышался. Он вообще почти никогда не повышался, за исключением одного случая в третьем классе, когда мальчик Дима Харитонов нарочно наступил на её рисунок, и тогда Таня закричала — но это было четыре года назад, и с тех пор она взяла под контроль даже эту реакцию. — Это обязанность продавца — проверять качество товара перед реализацией. Согласно статье 5 Закона «О защите прав потребителей», пункт 4: «На продукты питания... срок годности... продавец обязан обеспечить...» — она цитировала наизусть, даже не заглядывая в телефон.

Капитан вздохнул. Вздох был глубоким, грудным — из той категории вздохов, которыми взрослые люди обозначают границу между желаемым и возможным, между теорией и практикой, между справедливостью и жизнью.

— Слушай, девочка, — он наклонился вперёд, опершись локтями на стол, и от него пахло пирожком и перегаром. Перегар был несильным — может быть, пил вчера, может быть, сегодня утром. — Хочешь, я тебе правду скажу? Ту самую, которую никто не говорит? Твоя мать — взрослая тётя. Сорок четыре года, высшее образование, работа — экономист, должна уметь считать деньги, сроки, риски. Сама не посмотрела на банку. Сама не проверила дату. Сама купила. Сама открыла. Сама съела. Ещё бы сама себе антидот ввела — и то бы спросили, почему она врачом не стала. А теперь ты пришла сюда и хочешь, чтобы мы посадили кого-то за её невнимательность. Ты ещё продавцам предъяви, что они ей скальпель в руки не дали. Или что ингредиенты на этикетке мелким шрифтом напечатаны.

Сержант засмеялся. Смех был влажным, с присвистом — астма или бронхит, отметила Таня машинально. Воспаление нижних дыхательных путей, вероятно хроническое, усугубляемое курением.

— Иди домой, — сказал капитан уже мягче, почти по-отечески. — Уроки делай. Алгебру, русский, английский. Станешь взрослой — тогда и будешь права качать. А пока... маму жалко, правда. Но мир так устроен.

— Спасибо, — сказала Таня. — За объяснение.

И вышла.

Ни слезинки. Ни дрожи в голосе. Ни ускоренного пульса — она проверила на запястье: шестьдесят три удара в минуту, норма для спокойного состояния. Только холод в кончиках пальцев, который она не могла объяснить ни физиологией, ни температурой в помещении.

На улице было темно. Фонарь перед отделением светил как попало — половина лампочек перегорела, вторая половина работала в импульсном режиме, и свет лежал на снегу неровными, болезненными пятнами, создавая картину, которую физик назвал бы интерференцией, а художник — хаосом. Температура воздуха упала до минус семнадцати. Снег скрипел под подошвами школьных туфель, которые Таня не сменила на зимние сапоги — в спешке забыла.

Она не пошла домой. Дом — это квартира, в которой мамы больше нет, но её вещи лежат на своих местах, её расчёска лежит на полке в ванной, её халат висит на крючке за дверь, и каждый раз, когда Таня заходит в коридор, ей кажется, что мама сейчас выйдет из кухни и скажет: «Танюша, остыл суп». Дом был местом, которое она не могла выносить. Там было слишком много системы — упорядоченной, привычной, работающей, — но в центре этой системы зияла дыра, которую ничем нельзя было заполнить.

Таня пошла на Хованское кладбище.

Шла два часа. Автобус не стала ждать — на мёрзлом ветру, под медленно падающими снежинками, которые казались ей не красивыми, а просто кристаллами воды с определённой конфигурацией молекулярной решётки. Гексагональная сингония. Параметры ячейки: $a =$

0,452 нм, $c = 0,735$ нм. Каждая снежинка уникальна, потому что траектория её роста в пересыщенном паре зависит от температуры и влажности в каждый микросекундный интервал. Хаос, порождающий порядок. Симметрия, рождающая уникальность.

Мама любила снег. Мама любила зиму. Мама говорила, что снег делает Москву чистой — не физически, а визуально, скрывает серый асфальт, грязные стены, облезлые скамейки. Мама любила покупать продукты в магазине на углу, потому что «рукой подать и цены ниже, чем в Ашане, а у нас с зарплатами не разгуляешься». Мама не знала, что цена внизу — это цена наверху. Чем дешевле консервы, тем больше вероятность, что на производстве сэкономили на стерилизации, на контроле качества, на зарплате технолога. Экономия в пять копеек на банку — и вот уже мамы нет, и Таня идёт по кладбищу в школьных туфлях, примерзая подошвами к утопанному снегу.

Могила была свежей. Земля ещё не осела — насыпной холм возвышался над уровнем участка сантиметров на пятнадцать. Венки стояли пирамидкой, уже припорошенные снегом: казённые, от предприятия, на котором мама работала последние пять лет, от соседей с лестничной клетки, от отцовского начальства, от каких-то дальних родственников, которых Таня видела всего два раза в жизни. На одном из венков лента обвисла и волочилась по снегу, оставляя за собой тёмную дорожку от расплывающейся краски.

Таня опустилась на колени прямо в снег. Не потому, что так полагалось — она не знала и не особенно уважала ритуалы, которые не имеют объективного смысла. А потому, что тело само подогнулось — от холода, от усталости, от той внутренней дрожи, которая не была ни страхом, ни горем, а чем-то третьим, для чего в русском языке, может быть, и есть слово, но Таня его ещё не нашла.

Она положила ладонь на заиндеветый холмик. Земля была твёрдой, как бетон. Промёрзла насквозь. В таких условиях микроорганизмы не разлагают органику — кладбище зимой — это гигантский природный холодильник, где тело сохраняется почти нетронутым до весны. Таня подумала об этом и тут же запретила себе думать. Не время.

— Мама, — сказала она тихо. — Они смеются. Папа молчит. Брат тоже. Полиция сказала — сама виновата. Все говорят, что это случайность. Но я знаю, что это не случайность. Это система.

Она помолчала. Ветер завывал на восточной стороне кладбища, где не было деревьев, только голое поле и далёкие огни промзоны.

— Я посчитала. ВОЗ опубликовала доклад. Полтора миллиона человек в год умирают от небезопасной пищи. 1 500 000. Это население целого города. Огромного города. И никто не приходит в полицию. Никто не требует наказать виновных. Потому что так устроен мир — экономить на безопасности, потому что дешевле заплатить за смерть, чем за стерилизацию. Потому что вероятность низкая, и статистика размазана, и ни один конкретный человек не чувствует себя ответственным. И каждый говорит: «Это случайность. Никто не виноват. Жизнь продолжается».

Таня подняла голову. В темноте кладбища, среди крестов и памятников, среди мраморных ангелов с отбитыми носами и гранитных звёзд, присыпанных снегом, она выглядела как маленькая, очень точная модель чего-то огромного. Может быть, баллистической ракеты. Может быть, формулы, которая описывает фазовый переход — момент, когда количество переходит в качество.

— Я не прошу у тебя прощения за то, что сделаю. Я просто клянусь тебе. Прямо сейчас. На этом месте. Я не позволю этому злу остаться безнаказанным. Я найду каждого — от продавца в ларьке, который не снял с полки просрочку, до владельца распределительного центра, который дал команду не списывать партию, а пустить в продажу. Я изучу всё — микробиологию, чтобы понимать, как размножаются патогены. Химию, чтобы определять токсины. Токсикологию, чтобы вычислять дозы. Логистику, чтобы проследить цепочку поставок. Зако-

нодательство, чтобы найти дыры, через которые уходит ответственность. Я стану лучше, чем они. Умнее. Холоднее.

Голос Тани звучал ровно, как монотонный сигнал — но в этом монотоне было что-то более страшное, чем крик. Крик — это эмоция, он кончается. Монотон — это состояние, которое может длиться годами.

— Я сделаю так, что ни одна мать не умрёт от банки тушёнки, потому что те, кто это допустил, будут бояться даже дышать в сторону продуктового склада. Я построю систему, которая перекроет все пути этому дерьму — от фермы до вилки. А если человечество не способно защитить себя само — человечество придётся защитить против его воли. Как ребёнка, который тянет руки к горячей плите. Ему не нравится, когда его отгаскивают. Ему больно. Он плачет. Но он живёт.

Она замолчала на несколько секунд. Только ветер и снег.

— И ещё, мама. Я тебе отомщу. Не тем, кто убил тебя — они даже не знают, что тебя убили, они просто подписали накладную и пошли пить чай. Я отомщу всему этому миру, в котором смерть одного человека — это статистическая погрешность, а смерть полутора миллионов — просто строчка в отчёте ВОЗ, которую читают на английском и забывают к следующему абзацу. Я сделаю так, что они запомнят. Все.

Таня встала. Колени промокли насквозь, колготки примёрзли к коже, но она даже не поморщилась. Она стряхнула снег с платья, поправила воротничок — форменный, мама говорила, что форма дисциплинирует, потому что напоминает о принадлежности к системе, даже если система несовершенна, — и развернулась к выходу.

В двух метрах от неё стоял старик в чёрном пальто и меховой шапке. Он, видимо, пришёл на соседнюю могилу и слышал всё. Глаза у него были старческие, выцветшие, но в них не было ужаса. Было что-то вроде узнавания — как будто он уже видел однажды такой взгляд. В девяностые. Или в сорок первом. Или когда-то ещё, когда мир менялся не по щелчку пальцев, а по воле одержимых.

— Девочка, — сказал он хрипло. — Ты бы поосторожнее с такими обещаниями. Одержимость — плохой советчик.

Таня посмотрела на него. Прямо. Спокойно.

— А без одержимости — какой во мне смысл? — ответила она и пошла к выходу.

Шла долго. Ворота кладбища были закрыты, пришлось перелезть через забор — метровой высоты кованая решётка, легко, только платье порвала о штырь. Дома её ждали отец и старший брат, Денис, студент третьего курса МАДИ, вечно хмурый, вечно в наушниках, вечно такой далёкий, что Таня иногда забывала, что он живёт в соседней комнате.

— Где ты была? — спросил отец, не оборачиваясь от телевизора. По экрану шёл какой-то старый фильм, чёрно-белый, про войну. Солдаты бежали в атаку, падали, вставали, снова падали. Бесконечный цикл, у которого нет смысла, потому что зритель знает, что война когда-нибудь кончится, но солдаты на экране — нет.

— На кладбище.

— Дура, — сказал Денис, не поднимая головы от телефона. Большой палец скользил по экрану — игра, какая-то стрелялка с пиксельными монстрами. — Ты заболела? -17 же на улице. Уши отморозишь, волосы — потом в больницу опять. У нас денег нет на твои больницы.

— Я здорова, — повторила Таня, хотя губы у неё посинели и руки тряслись мелкой дрожью, не связанной с нервной системой — чисто физиологическая реакция на переохлаждение. — Я оденусь теплее в следующий раз.

— Таня. — Отец выключил звук. Телевизор продолжал показывать атаку, но молча — солдаты открывали рты, но криков не было. Он повернулся. Посмотрел на неё так, как смотрят на человека, который только что пересёк линию, о которой не договаривались, но все знали, что она есть. — Всё кончено. Мамы нет. Это трагедия. Мы все скорбим. Мы все её любили.

Но жизнь продолжается. Ты идёшь в школу. Заканчиваешь восьмой, девятый, десятый, одиннадцатый. Потом — институт. Потом — работа. Потом — своя семья. Так устроен мир. Так устроена жизнь.

— Да, — сказала Таня. — Именно так он устроен.

— И ты не будешь больше ходить в полицию. Не будешь ничего расследовать. Не будешь... — он запнулся, подбирая слово, — не будешь мстить. Поняла?

— Поняла.

В прихожей повисла тишина. Денис, наконец, оторвался от телефона, посмотрел на сестру поверх экрана, и что-то мелькнуло в его глазах — может быть, испуг, может быть, догадка. Он был старше на шесть лет, но всегда считал Таню странной, а теперь — опасной. Опасной в том смысле, в каком опасны дети, которые не плачут, когда больно, и не кричат, когда страшно.

— Ты врёшь, — сказал он неожиданно. — Ты не поняла. Ты просто сказала «поняла», чтобы мы отстали.

Таня улыбнулась. Второй раз за сегодня. Улыбка была такой же, как на кладбище — слишком симметричной, слишком идеальной, слишком пустой. Улыбка робота, который выучил мимику, но не понял её происхождения.

— Я всегда говорю правду, — ответила она. — Я действительно поняла, как устроен мир. Спасибо вам обоим за объяснение.

Она ушла в свою комнату — восемь квадратных метров, стол у окна, книжная полка, на которой рядом с учебниками по алгебре и русскому, с задачками по физике и прописными истинами по истории стояла энциклопедия «Биология. Человек», купленная мамой в прошлом году на книжной ярмарке на Красной площади. Мама тогда долго выбирала, листала, сравнивала издания, говорила: «Танюша, смотри, какая хорошая, и картинки цветные, и бумага плотная». Энциклопедия стоила тысячу двести рублей — четверть маминой зарплаты после всех вычетов. Но мама купила.

Таня села за стол. Открыла тетрадь — общую, в клетку, семьдесят два листа, обложка с котёнком, которого Таня ненавидела за непропорциональную голову, но тетрадь была подарком от мамы на первое сентября, и она не могла её выбросить. На первой странице уже было написано — аккуратным, мелким, почти типографским почерком, результат многолетней тренировки:

«Цель: ликвидация смертности от небезопасных пищевых продуктов как явления. Способ: системный. Срок: вся жизнь. Гарантии: отсутствуют. Альтернативы: нет».

Ниже — диаграмма, нарисованная от руки с помощью линейки и циркуля. «Причины пищевых отравлений. Микроорганизмы: 68%. Паразиты: 11%. Химические токсины: 19%. Физические загрязнители: 2%».

Ниже — список литературы на три страницы, уже не только предложенной школьной программы, а серьёзных научных трудов: «Медицинская микробиология» под редакцией Покровского, «Токсикологическая химия» Швайковой, «Пищевая безопасность: риски и управление» Смирнова, «Clostridium botulinum: экология, эпидемиология, молекулярная биология» — английское издание, которое Таня нашла в открытом доступе и читала с помощью гугл-переводчика, выписывая незнакомые термины в отдельную тетрадь.

Рядом с тетрадью лежал график. Временная шкала. Подготовка к поступлению в вуз: пять лет. Восьмой класс — микробиология и биохимия (база). Девятый класс — химия (углублённо), латынь. Десятый класс — биология (олимпиадная), органическая химия, немецкий (для чтения научных статей). Одиннадцатый класс — повторение, ЕГЭ на сто баллов, олимпиады всероссийского уровня, поступление. В резерве — самообучение по юриспруденции и логистике по вечерам и в выходные.

Таня сняла с ручки колпачок и написала в самом низу, под всеми таблицами, расчётами и графиками, самую важную строчку:

«Ботулизм. Clostridium botulinum. Анаэробная грамположительная палочка, образующая споры. Споры выдерживают кипячение в течение 5 часов. Оптимальная температура роста — 25–37°C, но некоторые штаммы растут при 3–4°C. Токсин разрушается при 100°C за 10–15 минут. Для надёжной инактивации спор — 120°C, автоклавирование, 20 минут, избыточное давление 1 атмосфера. Серотип E, которым отравилась мама, термолабилен — разрушается при 70°C за 5 минут. Но она не разогревала консервы. Ела холодными. Потому что на банке было написано: "Готово к употреблению". Она поверила надписи».

Таня провела пальцем по последним словам. Бумага была шершавой, карандаш оставил вдавленные следы, которые можно было прочесть наощупь.

Она посмотрела в окно. За стеклом, в свете дворового фонаря — дешёвого натриевого, дающего жёлтый спектр, невыносимый для глаз, но самый дешёвый в обслуживании, — снег продолжал падать. Тот же самый снег. Та же самая земля. Те же самые люди, которые завтра пойдут в магазин и купят продукты, не глядя на срок годности. И кто-то из них умрёт. С вероятностью 0,0002 на один приём пищи, если верить глобальной статистике. С вероятностью 0,01, если есть консервы неизвестного производства. С вероятностью, стремящейся к единице, если не менять ничего.

Таня открыла ноутбук — старый, с треснувшим корпусом, доставшийся от брата после того, как он купил себе новый. Вышла в интернет через мобильный модем — проводной дома не было, отец считал, что «и так сойдёт». Зашла на сайт Всемирной организации здравоохранения и открыла тот самый доклад, который нашла в школьном туалете между уроками.

Цифры горели на экране, как сигнальные огни:

1 500 000 смертей в год.

886 миллионов случаев заболеваний в год.

647 миллиардов долларов экономических потерь в год.

Дети до пяти лет — в три раза выше риск.

Африка и Юго-Восточная Азия — 75% всех случаев.

Биологические загрязнители — 860 миллионов случаев.

Химические загрязнители — самый высокий риск смерти.

Она закрыла глаза и увидела не цифры — а людей. Полтора миллиона тел, сложенных в ряд. От Москвы до Норильска. От Лиссабона до Киева. От мыса Доброй Надежды до Каира. Одной из этих точек была её мама. Её мама — Татьяна Викторовна Микрובה, сорока четырёх лет, экономист, любила гулять по парку Горького, не любила готовить, потому что уставала на работе, поэтому покупала готовую тушёнку в «Пятёрочке», чтобы вечером просто разогреть и накормить семью.

Последние слова мамы, которые Таня запомнила: «Танюша, иди делай уроки, я сама открою». Таня ушла в свою комнату и закрыла дверь. Через полчаса она услышала первый позыв к рвоте. Через час вызвала скорую. Через два часа сказала диспетчеру: «Моей маме плохо, она задыхается, приезжайте быстрее». Через три часа мамы уже не было в сознании. Через пять — она перестала дышать сама, и аппарат ИВЛ делал это за неё. Через восемь — врач сказал: «Всё».

Таня не плакала тогда. Не заплакала и сейчас. Она нажала на клавишу «Print Screen», сохранила страницу с докладом ВОЗ в отдельную папку — «Система», подпапка «Статистика», файл «ВОЗ_2023». Потом открыла таблицу Excel и начала заново пересчитывать данные. Построила график зависимости смертности от ВВП стран. Корреляция была обратной. Чем богаче страна, тем меньше смертей. Россия находилась посередине — между бедными африканскими государствами и богатыми скандинавскими. Около 0,7 смертей на 100 тысяч населения. В абсолюте — около тысячи человек в год. Один из них — мама.

Тысяча человек. Если каждый из них — мама, папа, сын, дочь, бабушка, дедушка. Если каждая смерть оставляет после себя ребёнка, который идёт на кладбище в школьных туфлях и клянётся отомстить.

За стенкой отец разговаривал по телефону с кем-то из управления. Денис, видимо, ушёл к себе, надел наушники и больше не слышал. А Таня слышала каждое слово. Акустика в хрущёвках была отличная — ещё одна системная особенность, которую можно было использовать в своих целях.

— Да, девчонка странная стала. Не плачет. Не ест почти. Всё время молчит или в телефоне сидит. Спрашиваю — говорит, уроки учит. Но я проверял — она не школьные уроки учит, она какие-то бактерии читает. Брата её боится. Сказал, в полицию не ходи — она послушалась, но как-то не так. Знаешь, бывает такое спокойствие... пугающее спокойствие. Будто решение уже принято. Будто она уже не здесь. Глаза у неё — знаешь, у старых следователей такие глаза бывают, которые двадцать лет на трупы смотрели. А ей двенадцать.

Пауза. Собеседник что-то говорил на том конце.

— Нет, к психологу не поведу. Во-первых, денег нет. Во-вторых, что психолог сделает? Скажет, стадия принятия горя? Может, и правда стадия. Перерастёт. Влюбится в кого-нибудь, забудет. Все дети через это проходят. Рано или поздно.

Отец вздохнул.

— Я надеюсь. Потому что если нет... я не знаю, что из неё вырастет. Что-то очень страшное, мне кажется. Или очень великое. Или то и другое одновременно.

Таня выключила ноутбук. Перечитала последнюю запись в тетради. Закрывает её и положила в ящик стола, под стопку чистых листов — чтобы никто случайно не нашёл. Ключа у ящика не было, но был навигационный хитрый способ укладки бумаг: если сдвинуть верхний лист, то стопка падает, и любой, кто её поднимет, обязательно изменит порядок. Таня запомнила точное положение каждого листа. Если завтра утром порядок окажется другим, она будет знать — кто-то рылся в её вещах.

Она легла на кровать, накрылась одеялом — маминым, старым, шерстяным, которое мама купила ещё до её рождения, наверное, тогда, когда была беременна и мёрзла постоянно, потому что у неё была анемия.

Спать она не будет ещё очень долго.

Но это не важно.

Важно другое: где-то в мире, возможно прямо сейчас, на заводе в Тверской области или в логистическом центре в Подмосковье, где-то в кабинете с пластиковой табличкой «Начальник отдела контроля качества» (должность, которую занимает человек без профильного образования, потому что «всё равно никто не проверяет»), кто-то принимал решение. Решение не списывать партию продуктов с истекшим сроком годности, а отправить её в распределительную сеть. Переклеить этикетку. Изменить дату в документах. Или просто не заметить — потому что устал, потому что зарплата маленькая, потому что начальник сказал «делай», потому что все так делают.

Этот кто-то ещё не знал, что на другом конце планеты, в Москве, в промёрзшей хрущёвке на юго-западе, на пятом этаже, где батареи греют так, что на подоконнике не вырастить даже лук, двенадцатилетняя девочка с глазами старых следователей только что поклялась на могиле

матери, что посвятит свою жизнь тому, чтобы эта кнопка, эта подпись, это «да пофиг, и так сойдёт» стали последними в жизни того, кто их сделал.

Это не была месть. Мечь — это эмоция. Мечь — это вспышка, которая гаснет.

Это было намерение.

Намерение холодное, как межзвёздное пространство. Долгое, как геологические эпохи. Точное, как лазерная гравировка.

И у него была своя температура: абсолютный ноль по Кельвину. Температура, при которой останавливается тепловое движение молекул. Температура, при которой прекращается всякая случайность.

Температура, при которой начинается новая реальность.

Глава вторая. Предел Грегара

Пять лет — это 1826 дней, если не считать високосные. 43 824 часа. 2 629 440 минут. Примерно 85 миллионов ударов сердца, если средняя частота — 65 ударов в минуту. Именно столько времени потребовалось Тане Микробовой, чтобы превратить детскую клятву на могиле матери в рабочий протокол.

На восьмом уроке биологии, когда учительница Ирина Семёновна рассказывала про фотосинтез, Таня сидела с закрытыми глазами и мысленно решала задачу по фармакокинетике: период полувыведения ботулотоксина из организма человека составляет около 24–48 часов, но нервно-мышечная передача восстанавливается значительно дольше — от недель до месяцев, потому что для восстановления синапса требуется рост новых аксональных окончаний. Если бы маме ввели антитоксин в первые двенадцать часов, она бы выжила. Но в больнице сказали: «Поздно привезли».

— Микрובה! — Ирина Семёновна стукнула указкой по столу. — Ты слушаешь?

— Хлорофилл, — сказала Таня, не открывая глаз. — Поглощает фотоны в синей и красной областях спектра, отражает зелёную. Квантовый выход фотосинтеза для высших растений — около 0,1. То есть из десяти поглощённых фотонов только один идёт на синтез органики. Остальные — тепло и флуоресценция. Это неэффективно.

Класс замер. Ирина Семёновна открыла рот, закрыла, потом медленно сказала:

— Садись, пять. И больше не закрывай глаза на уроке.

Таня открыла глаза и посмотрела в окно. Зелёный. Всё зелёное. Листья на деревьях за школьным двором отражали зелёный свет, потому что не могли его использовать. Беспольный цвет. Как большинство людей.

Денис, старший брат, закончил МАДИ и уехал работать вахтовым методом в Норильск. Сказал, что там платят в три раза больше, чем в Москве, а холод его не пугает. Перед отъездом он зашёл в комнату Тани — впервые за несколько лет.

— Слушай, — сказал он, стоя в дверях и переминаясь с ноги на ногу. — Ты это... не психанула там без меня?

— Я никогда не психую, — ответила Таня, не отрываясь от «Пищевой микробиологии» Джеймса Джея. — У меня нет на это ресурсов.

— Мама бы не хотела, чтобы ты... — он запнулся, подбирая слово. — Зацикливалась.

— Мама бы хотела, чтобы я была счастлива, — сказала Таня. — Но счастье — это биохимический процесс, который я могу симулировать при необходимости. А правда — это структура, которая либо есть, либо нет.

Денис постоял ещё несколько секунд, потом развернулся и ушёл. Хлопнула входная дверь. Таня услышала, как он сказал отцу в коридоре: «С ней что-то не так». И отец ответил: «Я знаю. Но что я могу сделать? Она учится на одни пятёрки. В университет поступит. Работу найдёт. Остальное — не моё дело».

Отец за эти пять лет изменился. Постарел. Начал пить — не каждый день, но регулярно, по выходным, по пол-литра пива перед телевизором, потом перешёл на крепкое. Иногда он

смотрел на Таню и не видел её. Взгляд проходил сквозь, как луч через пустоту. Она не обижалась. Она понимала: для него она была напоминанием о том, что он не смог защитить свою жену. Не смог даже найти виноватых. Просто подписал свидетельство о смерти и похоронил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.